

В.И. Плещенко

К ВОПРОСУ ОБ ОГРАНИЧЕННОЙ ФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ НАЛИЧНЫХ ДЕНЕГ И СПЕЦИФИКЕ РОЗНИЧНОГО ТОВАРООБОРОТА В СССР

Аннотация. В статье описываются отдельные особенности розничного товарооборота в экономике СССР, а также специфика обращения денежных знаков в народном хозяйстве страны. Как известно, в условиях несоответствия растущих доходов населения выпуску потребительских товаров и услуг возникал отложенный спрос, способствующий развитию неформальных связей и росту товарооборота на «черном рынке». При этом распределение различных благ в СССР во многом определялось социальным положением и статусом претендентов, а для физического обретения блага, как правило, требовалось отстоять очередь. В результате спрос в экономике приобрел отложенный характер, превратив СССР в общество вечного ожидания. В таких условиях советские рубли как наличные деньги частично утратили свои ключевые функции. В особенности это касалось функции денег как меры стоимости и функции средства обращения. Классические товарно-денежные отношения в СССР заменялись натуральным обменом. Кроме того, появлялись различного рода денежные суррогаты, игравшие роль средства платежа. Также в стране возникли неформальные сетевые образования (сообщества), способствующие организации товарообмена между людьми. Указанные явления способствовали снижению доверия к денежным знакам, вели к десакрализации коммунистической идеологии, постепенному расслоению и разложению советского общества.

Ключевые слова: дефицит; отложенный спрос; розничная торговля; блат; черный рынок; плановая экономика; распределение; товарооборот; наличные деньги; денежные суррогаты; функции денег.

Плещенко Вячеслав Игоревич – кандидат экономических наук,
начальник управления закупок оборудования
и основных материалов, АО «Гознак», Россия, Москва.
E-mail: v_pl@mail.ru
Web of Science Researcher ID: O-9987–2016;
Scopus Author ID: 57207358654

Pleschenko V.I. About the Limited Functionality of Cash and the Specifics of Goods Turnover in the USSR

***Abstract.** This article describes the features of retail turnover in the USSR and the specifics of the circulation of currency in the national economy. As is well known, due to the discrepancy between the growing incomes of the Soviet population and the manufacturing of consumer goods and services there arose a considerable catch-up demand, contributing to the proliferation of informal networks and increased turnover on the black market. Distribution of various goods in the USSR was largely defined by the hierarchical position and status of applicants. But to buy the goods people had to stand in queue. Demand in the economy had become deferred, giving rise to the society of everlasting expectations in the country. In such circumstances, the Soviet ruble partly lost its features of cash. This was particularly true in relation to its function as measure of value and means of circulation. Under such circumstances, the classic commodity-money relations were replaced with kind of «barter» exchange. There appeared various kinds of cash surrogates as means of payment. Also, there sprang informal network institutions (communities) that facilitated the trade between people. These phenomenon have greatly contributed to the decline of confidence in currency, led to the desacralization of Communist ideology, stratification and the degradation of the Soviet society.*

***Keywords:** deficit; delayed demand; retail; cronyism; black market; planned economy; distribution; trade turnover; cash money; cash equivalents; functions of money.*

**Pleschenko Vyacheslav Igorevich – Candidate of Economic Sciences,
Head of Equipment and Materials Purchasing Dept.,
JSC «Goznak», Russia, Moscow. E-mail v_pl@mail.ru
Web of Science Researcher ID: O-9987-2016;
Scopus Author ID: 57207358654**

В современной России практически любой – за малым исключением – человек, обладающий определенной суммой наличных денег, может в любой момент потратить их по своему усмотрению, используя различные формы организации розничной торговли: магазины и рынки, торговые центры, интернет-магазины и проч. Но многие уже забыли, что почти 30 лет назад, в условиях советской планово-бюрократической экономики, наличие у индивида денежных знаков не гарантировало возможности совершить даже самую простую покупку, вынуждая людей тратить свое время на стояние в очередях, поиск «нужных людей» и ожидание приема у дверей начальственных кабинетов.

Поэтому, начиная рассуждения на тему специфики оборота в СССР товаров и наличных денег, вспомним роман И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок». Основная проблема главного героя выявилась после обретения этого самого миллиона, т.е. уже ближе к концу повествования. Она заключалась в том, что государство не считало Остапа Бендера покупателем (в отличие от

коллективов трудящихся), в связи с чем его попытки приобрести что-либо значительное оканчивались неудачей. Более того, новоявленный миллионер не мог открыто демонстрировать свой статус и покупательский потенциал, постоянно маскируясь и покупая интересующие его предметы с рук или в комиссионных магазинах. Попытка Остапа продемонстрировать незнакомым свою наличность в поезде привела лишь к тому, что из купе ушли все попутчики. В свою очередь, другой персонаж романа, еще один подпольный миллионер Корейко, уже давно осознал сопутствующие риски, поэтому попыток потратить деньги не предпринимал, терпеливо ожидая возвращения капитализма на скромной должности конторщика-счетовода. Между тем новая советская жизнь, противопоставляемая высмеиваемому Ильфом и Петровым быту осколков старого общества, различного рода аферистов и искателей приключений, в реальности была далека от желаемого идеала. Фактически получилось, что коммунистическая власть в течение многих десятилетий дискриминировала как покупателей не столько подпольных миллионеров, сколько бóльшую часть рядовых советских граждан.

Конечно, недопустимо принижать историческое значение для прогрессивного развития общества ряда социальных последствий социалистической трансформации в России, таких как значительное улучшение условий труда, переход к всеобщему среднему образованию, развитие науки и техники, организация медицинского обслуживания населения. Но в то же время следует помнить, что советская экономика всегда была дефицитной. Как указывал В.Н. Архангельский, затратное ценообразование и распределительная система не имели объективных регуляторов эффективности, поэтому цены, качество и конкурентоспособность товаров все больше расходились с мировым уровнем [Архангельский 2004, с. 10–11]. О хроническом товарном дефиците как сущностной черте политической и экономической жизни в советскую эпоху писал и В.А. Мау [Мау 2012, с. 20]. Дело в том, что в СССР количество (да и качество) производимых благ не соответствовало уровню спроса, а цены не выполняли информационной функции. В начале перестройки данный факт наконец-то признали и власти страны, что нашло отражение в совместном постановлении ЦК КПСС, Совмина СССР и ВЦСПС № 825 от 17 июля 1987 г., где говорилось, что денежные доходы населения растут быстрее розничного товарооборота, ведя к увеличению неудовлетворенного платежеспособного спроса в стране. Как следствие, обострилась проблема рациональной организации денежного обращения в стране, поскольку денежная масса не была в должной мере обеспечена товарами (в 1971–1985 гг. количество наличных денег выросло в 3,1 раза, объем вкладов в сберегательных кассах возрос в 5,2 раза, тогда как выпуск товаров народного потребления увеличился всего в 2 раза) [Медведев 2003, с. 133]. В итоге ставшими «лишними» деньги

населения уходили на «черный рынок», на котором и происходило обращение многих дефицитных благ.

В течение нескольких десятилетий в народно-хозяйственном комплексе СССР все более существенным становился дисбаланс производства и потребления. Издержки централизованного планирования выражались не только в дефиците отдельных товаров широкого потребления, но и в превышении выпуском ряда товаров потребительского спроса. К примеру, к 1980-м годам произошло затоваривание розничной торговли телевизорами, радиоаппаратурой, фотоаппаратами и парфюмерией отечественного производства, многими морепродуктами, такими как морская капуста и некоторые виды океанических рыб [Рожков 2007, с. 172]. Однако данные факты скорее являются исключениями из общего правила, тем более что в силу интенсификации внешних связей СССР и увеличения числа поездок советских граждан за рубеж именно в те годы возник довольно существенный поток импортной техники, пользовавшейся гораздо большим спросом у платежеспособного населения и продаваемой в комиссионных магазинах или на «черном рынке».

В целом же по стране ограниченность имевшихся ресурсов и сложные бюрократические механизмы распределения стимулировали развитие неформальных социальных контактов и рост теневого сектора экономики. По примерным расчетам, произведенным Центральным статистическим управлением (ЦСУ) СССР, в период 1972–1974 гг. переплата населения спекулянтам при покупке дефицитных товаров превышала цифру в 800 млн руб., при этом средняя наценка по различным номенклатурным категориям составляла примерно 41% для горожан и 53% для жителей сельской местности [Осипов 2009, с. 624–625]. Роль параллельно действовавшей системы организации товарообмена (т.е. «черного рынка») в жизни граждан страны была довольно велика. Так, академик РАН Н.Я. Петраков указывал, что в отдельные периоды до 1/3 потребительских товаров проходило через систему «черного рынка» (а изделий легкой промышленности, мебели и бытовой техники – около 50%) [Петраков 1998, с. 53]. В свою очередь, профессор НИУ ВШЭ С.Ю. Барсукова и В.В. Радаев отметили, что «размеры этого квазирынка были ограничены, а сам он находился преимущественно в нелегальном поле» [Барсукова, Радаев 2012, с. 101]. Автор разделяет вторую точку зрения, полагая, что скорее всего Н.Я. Петраков включал в обороты «черного рынка» и различные покупки населения, осуществляемые с помощью «нужных людей» и отношений блата, о которых речь пойдет далее.

Как известно, уровень жизни населения в СССР из года в год возрастал, т.е. свободные деньги на покупку предметов потребления у значительной доли советских людей имелись. К примеру, согласно некоторым подсчетам, к началу перестройки 5,1 млн советских семей имели достаточные средства на покупку мебели, 2,1 млн семей – автомобилей, а 5,1 млн семей – одежды

[Кирсанов 2014, с. 523]. Однако имевшиеся у населения деньги не выполняли в полной мере присущих им функций. Напомним, что к таковым относятся функции меры стоимости, средства обращения, средства платежа и средства накопления. В советской же экономике получилось, что функция меры стоимости была существенно искажена директивным государственным ценообразованием, во многом определявшимся субъективными соображениями и политическими факторами. В результате цены в СССР не выполняли еще и информационную функцию. Отметим, что цены на «черном рынке» также формировались волюнтаристским образом исходя из субъективной воли продавцов. В свою очередь, советский рубль как средство обмена не был деньгами в полном смысле слова (поскольку не всеми товарами и услугами разрешалось обмениваться, либо присутствовали ограничения по количеству обмена), в связи с чем отдельные исследователи считали рубли не деньгами, а «универсальными купонами» [Логинов 2014, с. 139–140]. Таким образом, и функция средства обращения ограничивалась произволом распределителей благ. Поскольку имея наличность, не всегда можно было совершить покупку, то страдала и функция платежа, стимулируя появление различных денежных суррогатов. И лишь функция накопления, на наш взгляд, реализовывалась в советской стране без существенных искажений.

Как мы уже говорили, наличие денежных средств не давало гражданину возможности истратить их в любое время по собственному усмотрению. В процессе перестройки дошло до того, что академик Н.Я. Петраков довольно справедливо сравнил советские рубли того времени с лотерейными билетами [Петраков 1998, с. 120–121]. И действительно, возможность совершить желаемую покупку во времена позднего СССР сильно напоминала выигрыш в лотерее, поэтому у населения возникали большие объемы вынужденных сбережений, а спрос носил отложенный характер. При этом приучать людей к тому, что приобретение благ есть процесс случайный, зависящий от удачи, власти начали еще в 1920-е годы, придумав «денежно-вещевые лотереи», которые в условиях дефицита, по словам Е.Ю. Селезневой, стали «надеждой в кредит» и создавали «иллюзию предвкушения счастья» [Селезнева 2008, с. 90]. Во многом именно поэтому в СССР вещевые выигрыши были «более желаемыми для населения и составляли бóльшую ценность, чем деньги» [Селезнева 2008, с. 87].

Отложенный спрос на блага в сочетании с неудовлетворенным спросом на лучшую жизнь превратил советскую цивилизацию в общество ожидания [Хакимов 2016, с. 88]. Соответственно и хранение денег на депозитах (в сберегательных кассах) гражданами СССР, в отличие от населения стран с рыночной экономикой, имело целью не получение процентных выплат по вкладам, а откладывание спроса до лучших дней [Кирсанов 2014, с. 519]. В свою очередь, хронический дефицит товаров при наличии у людей растущих

накоплений стимулировал рост распространения особых отношений блата, покупки «по знакомству» и проч.

С другой стороны, товарное производство в СССР, как отмечает исследователь советского периода в истории и культуре Е.А. Добренко, являлось в первую очередь «производством социализма» как символического образа, а «социалистическое хозяйство росло «не от потребления товаров, но от потребления его производства в виде его образов и образов товаров» [Добренко, 2007, с. 405]. Следовательно, заключает он, социализму не нужны деньги как таковые, поскольку его продукт не имеет меновой стоимости. Однако марксистско-ленинская политэкономия со временем смирилась с личными подсобными хозяйствами, вынужденно признавала «элементами социалистического хозяйства» деньги и торговлю, колхозный рынок, деятельность некооперированных кустарей и ремесленников [Осипов 2009, с. 582]. Да и «советский экономический человек», несмотря на упорную работу идеологов, продолжал вести себя во многом как классический «экономический человек», минимизируя затраты (в основном затраты труда) и максимизируя выгоду, которая частично утратила денежную форму и стала часто выражаться различных привилегиях [Мовсесян 2003, с. 87]. Л.Д. Гудков и Б.В. Дубин подчеркивали, что практикой советской власти являлось статусно-иерархическое распределение и соответственно потребление [Гудков 2002, с. 27]. Получается, что не имея возможности удовлетворить всех граждан, имевших свободные наличные деньги, советское руководство *de facto* разделяло людей по кастовому принципу, чтобы в дальнейшем, в зависимости от групповой принадлежности, распределять ограниченные блага. Основным смыслом социальной активности в таких условиях заключался в стремлении потреблять «не хуже других»¹, устроиться так, чтобы можно было «достать» и «получать» [Кордонский 2006, с. 47].

Искаженная сущность и функциональная неполноценность денежных знаков в советской экономике вели к тому, что классические механизмы товарно-денежных отношений, рыночного оборота во многом заменялись натуральным обменом. Поскольку потребитель не всегда и не везде мог купить что-либо необходимое за деньги, то возникали различного рода суррогаты, выполнявшие роль средств платежа. Сегодня это звучит довольно парадоксально, но еще 25–30 лет назад многие товары или услуги можно было обменять на спиртные напитки как неденежные суррогаты, имевшие в СССР весьма высокую ликвидность. В свою очередь, особенными денежными суррогатами, пользовавшимися большим спросом у населения, стали чеки и сертификаты Внешпосылторга, на которые можно было приобрести дефицитные

1. Под «другими» в данном контексте понимались не среднестатистические советские граждане, а «избранные», «успешные» люди.

(как правило, импортные) товары в магазинах специализированной торговой сети («Березка») [Иванова 2011, с. 89–90].

И наконец, как пишет С.Г. Кордонский, в СССР возникла специфичная «административная валюта» в виде документов (писем, распоряжений) от различных ведомств, которые могли конвертироваться в конкретные материальные или нематериальные блага [Кордонский 2006, с. 11–12]. Текущие «котировки» таких бумаг определялись иерархическим уровнем инстанции, их выдающей. Такая «административная валюта» давала право на участие в процессе распределения благ, но ввиду неопределенности текущего «курса» при ее предъявлении часто возникал торг. Об особом бюрократическом рынке (или «экономике согласований») в СССР, построенном на обмене благами, положением в обществе, правилами и исключениями из них, как основном инструменте регулирования и самонастройки в советском хозяйстве, говорили экономисты В.А. Найшуль и Е.Т. Гайдар [Гайдар 1995, с. 125–126]. Значение социальных связей как особого субститута рынка в СССР отмечают и С.Ю. Барсукова и В.В. Радаев [Барсукова, Радаев 2012, с. 101].

Как для обладания самим благом, так и для получения «административной валюты» гражданин должен был выстоять очередь, что давало претенденту административное право на потребительскую ценность. По некоторым данным, в СССР порядка 35 млн человек постоянно пребывали в различных очередях [Богданов 2009, с. 30]. Однако физическое обладание многими благами наступало лишь после торга с лицом, распределяющим его [Кордонский 2006, с. 9]. Происходивший торг мог быть разным: денежным, в обмен на услугу или информацию, с привлечением влиятельных знакомых, в крайнем случае распределителя брали в длительную осаду².

Вполне естественно, что в таких условиях выросли особые неформальные институты. Они дополняли формальные союзы и государственные органы в тех вопросах, которые они либо не могли решить, либо решали слишком долго (проблема очереди). Проблемы решались как бесплатно (например, для «хороших знакомых»), так и на возмездной основе. В качестве платы могли выступать деньги, билеты в театр, различные вещи (оплата натурой), а также полезная информация³, либо возможность встречного допуска к другим услугам. Хотя при распределении дефицитного блага по блату не происходило

2. В связи с этим вспомним произведение В.Н. Войновича «Шапка», в котором главный персонаж (писатель) обошел множество начальственных кабинетов с целью получить возможность («административную валюту») заказать себе в специализированном комбинате Литфонда шапку из того меха, который он, по собственному убеждению, заслуживал.

3. Допустим, об ожидаемом поступлении какого-либо товара в определенный магазин.

открытого соревнования между претендентами, келейность процесса и отсутствие состязательности приводили к тому, что он не регулировался авторитетной фигурой судьи и не был публичным [Дубин 2008]. Как следствие, имелись предпосылки для произвола, необоснованного увеличения размера статусной ренты.

Типичная советская практика тех времен – это использование установившихся связей, знакомств с «нужными» людьми. В числе таковых могли выступать, к примеру, продавец мясного отдела гастронома, заведующий мебельным магазином или официант в ресторане. С.Ю. Барсукова и В.В. Радаев в своем исследовании обратили внимание на тот факт, что уровень цен на товары, распространяемые по благу, был существенно ниже, чем цены на «черном рынке» (это даже могли быть твердые цены, устанавливаемые государством), но доступ к ним определялся социальными связями [Барсукова, Радаев 2012, с. 101]. Естественно, что около «нужных людей» постепенно формировался круг взаимосвязанных лиц, намеренных материализовать свои желания и потребности и обладающих для этого достаточной суммой наличных денег. Известный российский специалист по экономической социологии У.Г. Николаева называет такие образования «сетью услугуобменных связей», позволяющей подобным лицам использовать должностные возможности [Николаева 2014]. Данная сетевая модель взаимодействия частично напоминает канонические западные клубы (согласно экономической теории клубов Дж. Бьюкенена). К примеру, в ней также присутствует залог, предварительное поручительство одного из участников за нового члена, получавшего доступ к распределительному каналу. Также понятно, что кооперация индивидов в рамках сообщества носит преимущественно длительный характер, а поэтому она уже не может описываться моделью «игры с нулевой суммой»⁴. Конечно, случаев обмана при совершении транзакций это не исключало, но все же вероятность оппортунистического поведения не была столь высока, как, к примеру, при транзакциях со случайными встречными (скажем, на колхозном рынке или железнодорожном вокзале). Таким образом, посредством сформированной системы сигналов и знаков как механизма организации обмена товарами и услугами индивид допускался к потреблению клубных благ.

По мере нарастания кризисных явлений в экономике СССР, с целью противостояния спекуляции, государство начало лимитировать продажу не только товаров длительного использования, но и продукции массового ассортимента: продуктов, бакалейных товаров, бытовой химии, табачных изделий и алкоголя и проч. В жизнь граждан второй половины 1980-х годов вошли талоны, выдаваемые местными органами власти подушно. В дополнение к талонам

4. Победитель в таких играх получает все выгоды, а проигравший фактически остается ни с чем.

гражданам стали выдавать и «визитные карточки покупателя», подлежащие предъявлению в магазинах при покупке. Получилось, что для обладания товаром необходимо было отстоять очередь, при наличии товара предъявить талон и только потом использовать деньги по назначению.

Сложившаяся система товарообмена способствовала не только снижению доверия к денежным знакам ввиду их низкой покупательной способности (вспомним так называемый деревянный рубль), но и постепенной десакрализации коммунистической идеологии и разложению советского общества. Попытки усовершенствовать хозяйственную систему путем предоставления больших прав предприятиям, стимулированием частной инициативы (кооперативы и пр.) привели к обратному эффекту, выразившись в значительном росте числа спекулятивных сделок и выводе из подполья теневой экономики. Те же кооперативы, на которые возлагались большие надежды, на практике выполняли функцию механизмов по перекачиванию государственных средств в наличные деньги [Пичурин 2012, с. 157], почти ничего не производя для удовлетворения насущных потребностей населения страны. К примеру, из полученных кооперативами в 1990 г. 70 млрд руб. выручки на товары народного потребления и услуги населению приходилось лишь 15,7 млрд руб. [Кирсанов 2014, с. 539]. В результате в экономику хлынул дополнительный поток наличных денег, не обеспеченных созданными товарами [Пичурин 2012, с. 157]. Более того, во времена позднего СССР и сама правящая номенклатура, как свидетельствует член-корреспондент РАН К.И. Микульский, уже тяготилась существовавшими лимитами удовлетворения своих имущественных интересов и потребительских нужд [Микульский 2017, с. 8].

Всё происходившее в совокупности создало предпосылки для скорого изменения социально-политического строя и развала СССР. Последовавший при этом возврат к рыночному розничному товарообороту постепенно расставил дефицитные товары на полках российских магазинов и вернул деньгам их традиционные функции. В то же время процесс сопровождался инфляционным изъятием накоплений граждан и обнищанием значительной части населения, так что проблема ограниченной функциональности денег по своему значению уступила место проблеме их отсутствия.

Библиография

Архангельский В.Н. Рыночные трансформации в России (социально-экономические аспекты развития). М.: Изд-во РАГС, 2004. 276 с.

Барсукова С.Ю., Радаев В.В. Неформальная экономика в России: краткий обзор // Экономическая социология. 2012. Т. 13. № 2. С. 99–111.

Богданов С.В., Орлов В.Н. За фасадом перестройки в СССР: власть, хозяйственная преступность, общество // Известия Алтайского государственного университета. Барнаул, 2009. № 4. С. 27–31.

Гайдар Е.Т. Государство и эволюция. М.: Евразия, 1995. 206 с.

Гудков Л.Д., Дубин Б.В. «Нужные знакомства»: особенности социальной организации в условиях институциональных дефицитов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. № 3 (59). С. 24–39.

Добренко Е.А. Политэкономика соцреализма. М.: НЛО, 2007. 592 с.

Дубин Б.В. Институты, сети, ритуалы // Pro et Contra. 2008. Т. 12. № 2–3. С. 24–35.

Иванова А.С. Магазины Внешпосылторга: валютная торговля в СССР (1960–1980-е годы) // Вестник Пермского университета. 2011. Сер.: История. Вып. 3. С. 86–93.

Кирсанов Р.Г. Сберегательные кассы в СССР: источник государственного кредита и фактор сдерживания потребительского спроса населения // Экономическая история. Ежегодник. М.: Институт российской истории РАН, 2014. Т. 2013. С. 518–548.

Кордонский С.Г. Рынки власти. Административные рынки в СССР и России. М.: ОГИ, 2006. 240 с.

Логинов А.А. Природа советского рубля в свете идей австрийской экономической школы // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 4. С. 134–141.

Мау В. От перестройки к радикальным реформам: к двадцатилетию начала посткоммунистических преобразований // Экономическая политика. 2012. № 1. С. 5–20.

Медведев Н.Н. Наличное денежное обращение в период реформ // Вестник Омского университета. 2003. Сер. «Экономика». Вып. 2. С. 132–139.

Микульский К.И. О политэкономических основах современного российского общества // Общество и экономика. 2017. № 12. С. 5–9.

Мовсесян А.Г. Либерализм и экономика. М.: Логос, 2003. 240 с.

Николаева У.Г. Архаизация отношений препятствует развитию // IQ.HSE: Научно-образовательный портал ВШЭ. 2014. 31 марта. URL: <https://iq.hse.ru/news/177667899.html> (дата обращения: 30.11.2019).

Осипов В.А. Частная хозяйственная деятельность в зеркале советской статистики // Экономическая история. Ежегодник. М.: Институт российской истории РАН, 2009. Т. 2009. С. 579–638.

Петраков Н.Я. Русская рулетка: экономический эксперимент ценою 150 миллионов жизней. М.: Экономика, 1998. 286 с.

Пичурин И.И. Причины кризиса социалистической экономики СССР в 1989–1991 годах // Экономика региона. Екатеринбург, 2012. № 1. С. 150–160.

Рожков И.Я. Реклама советского периода: как это было // Знание. Понимание. Умение. 2007. № 2. С. 171–178.

Селезнева Е.Ю. Денежно-вещевая лотерея как инструмент фискальной политики на Дальнем Востоке СССР (конец 1950-х – начало 60-х годов) // Вестник Северо-Восточного научного центра Дальневосточного отделения РАН. Магадан. 2008. № 4. С. 86–91.

Хакимов Р.Ш. СССР – страна отложенного спроса // XX век и Россия: общество, реформы, революции. Самара, 2016. № 4. С. 84–89.

References

Arhangel'skij V.N. Ry'nochny'e transformacii v Rossii (social'no-e'konomicheskie aspekty' razvitiya) [Market transformations in Russia (social and economic aspects of development)]. Moscow: Publishing House of RAGS, 2004. 276 p. (In Russ.)

Barsukova S.Yu., Radaev V.V. Neformal'naya e'konomika v Rossii: kratkij obzor. E'konomicheskaya sociologiya [Russia's informal economy: a quick overview. Economic sociology]. 2012. Vol. 13. No. 2. P. 99–111. (In Russ.)

Bogdanov S.V., Orlov V.N. Za fasadom perestrojki v SSSR: vlast', xozyajstvennaya prestupnost', obshhestvo. Izv. Altajsk. gos. un-ta [Behind the facade of perestroika in the USSR: power, economic crime, society]. Altai State University News. Barnaul, 2009. No. 4. P. 27–31. (In Russ.)

Dobrenko E. Polite'konomiya soczrealizma [Political economy of socialist realism]. Moscow: NLO, 2007. 592 p. (In Russ.)

Dubin B. Instituty, seti, ritualy [Institutes, networks, rituals]. Pro et Contra. Moscow, 2008. Vol. 12. No. 2–3. P. 24–35. (In Russ.)

Gajdar E.T. Gosudarstvo i e'voljuciya [State and evolution]. Moscow: Evraziya, 1995. 206 p. (In Russ.)

Gudkov L., Dubin B. «Nuzhny'e znakomstva»: osobennosti social'noj organizacii v usloviyax institucional'ny'x deficitov. Monitoring obshhestvennogo mneniya: e'konomicheskie i social'ny'e peremeny' [«Useful meetings»: the peculiarities of social organization in the face of institutional deficits. Monitoring public opinion: economic and social changes]. 2002. No. 3 (59). P. 24–39. (In Russ.)

Hakimov R.Sh. SSSR – strana otlozhenogo sprosa. XX vek i Rossiya: obshhestvo, reformy', revolyucii [The USSR – a country of deferred demand. The 20th century and Russia: society, reforms, revolutions]. Samara, 2016. No. 4. P. 84–89. (In Russ.)

Ivanova A.S. Magaziny' Vneshposy'ltorga: valyutnaya trgovlya v SSSR (1960–1980-e gody'). Vestn. Permsk. un-ta. [Shops of Vneshposy'ltorg: Currency Trade in the USSR (1960–1980s). Herald of the University of Perm]. Perm, 2011. Series: History. Vol. 3. P. 86–93. (In Russ.)

Kirsanov R.G. Sberegatel'ny'e kassy' v SSSR: istochnik gosudarstvennogo kredita i faktor sderzhivaniya potrebitel'skogo sprosa naseleniya. E'konomicheskaya istoriya. Ezhegodnik [Savings banks in the USSR: a source of state credit and a factor in restraining consumer demand of the population. Economic history. Yearbook]. Moscow: Institute of Russian History RAS, 2014. Vol. 2013. P. 518–548. (In Russ.)

Kordonskij S.G. Ry'nki vlasti. Administrativny'e ry'nki v SSSR i Rossii [Markets of power. Administrative markets in the USSR and Russia]. Moscow: OGI, 2006. 240 p. (In Russ.)

Loginov A.A. Priroda sovetskogo rublya v svete idej avstrijskoj e'konomicheskoy shkoly'. Znanie. Ponimanie. Umenie. [The nature of the Soviet ruble in the light of the ideas of the Austrian economic school. Knowledge. Understanding. Skill]. 2014. No. 4. P. 134–141. (In Russ.)

Mau V. Ot perestrojki k radikal'ny'm reformam: k dvadczatiletyu nachala postkommunisticheskix preobrazovanij. E'konomicheskaya politika [From perestroika to radical reforms: 20 years of post-communist transformation. Economic policy]. 2012. No. 1. P. 5–20. (In Russ.)

Medvedev N.N. Nalichnoe denezhnoe obrashhenie v period reform. Vestn. Omsk. un-ta. Ser. «E'konomika» [Cash circulation during the reform period. Herald of the University of Omsk. Economics series]. Omsk, 2003. Vol. 2. P. 132–139. (In Russ.)

Mikul'skij K. O polite'konomicheskix osnovax sovremennogo rossijskogo obshhestva. Obshhestvo i e'konomika [On the political economic foundations of modern Russian society. Society and the economy]. 2017. No. 12. P. 5–9. (In Russ.)

Movsesyan A.G. Liberalizm i e'konomika [Liberalism and economics]. Moscow: Logos, 2003. 240 p. (In Russ.)

Nikolaeva U. Arxaizaciya odnoshenij prepyatstvuet razvitiyu. IQ.HSE: Nauchno-obrazovatel'ny'j portal VShE [The archaization of relations hinders development. IQ.HSE: Nauchno-obrazovatel'ny'j portal HSE]. 2014. 31 March. URL: <https://iq.hse.ru/news/177667899.html> (date of access: 30.11.2019). (In Russ.)

Osipov V.A. Chastnaya khozyajstvennaya deyatel'nost' v zerkale sovetskoj statistiki. E'konomicheskaya istoriya. Ezhegodnik [Private economic activity in the mirror of Soviet statistics. Economic history. Yearbook]. Moscow: Institute of Russian History RAS, 2009. Vol. 2009. P. 579–638. (In Russ.)

Petrakov N.Ya. Russkaya ruletka: e'konomicheskij e'ksperiment cenoyu 150 millionov zhiznej [Russian roulette: an economic experiment costing 150 million lives]. Moscow. OAO: «Izdatel'stvo “Ekonomik”а», 1998. 286 p. (In Russ.)

Pichurin I.I. Prichiny` krizisa socialisticheskoy e'konomiki SSSR v 1989–1991 godax. E'konomika regiona [Reasons for the crisis of the socialist economy of the USSR in 1989–1991. Region's economy]. Yekaterinburg, 2012. No. 1. P. 150–160. (In Russ.)

Rozhkov I.Ya. Reklama sovetskogo perioda: kak e'to by'lo. Znanie. Ponimanie. Umenie [Soviet-era advertising: as it was. Knowledge. Understanding. Skill]. 2007. No. 2. P. 171–178. (In Russ.)

Selezneva E.Yu. Denezhno-veshhevaya lotereya kak instrument fiskal'noj politiki na Dal'nem Vostoke SSSR (konecz 1950-x – nachalo 60-x gg.). Vestnik SVNCz DVO RAN [Monetary lottery as an instrument of fiscal policy in the Far East of the USSR (late 1950s – early 60s). Bulletin of the North-Eastern Scientific Center of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences]. Magadan, 2008. No. 4. P. 86–91. (In Russ.)